"СОЗДАТЕЛИ МУЗЕЯ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ"

Лекция старшего научного сотрудника Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника СМИРНОВОЙ Татьяны Васильевны.

За более чем 90-летнюю историю своего существования музей Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, а ныне Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, стал подлинно научным и культурно-просветительским центром. Он признан особо ценным объектом национального культурного наследия России, а архитектурный ансамбль монастыря включен в Почетный список культурного наследия ЮНЕСКО. Старший научный сотрудник музея-заповедника Смирнова Татьяна Васильевна рассказала слушателям о создателях музея Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

В революции, захлестнувшей нашу страну в начале XX века, гибли не только люди, уничтожались не только материальные ценности, но и ценности культурные, накопленные веками и имевшие мировое значение. В первую очередь, это касалось ценностей, накопленных в разбросанных по всей стране дворянских усадьбах. Во время революционных событий крестьяне под влиянием, как правило, дезертиров с фронта уничтожали усадьбы. Что могло пригодиться в хозяйстве – брали себе, а остального не жалели: фарфор разбивали, статуи калечили, картины рвали, ценнейшие библиотеки и архивы сжигали. После таких "рейдов" мало что уцелело. Например, в доме родового имения первого министра иностранных дел графа Воронцова крестьянские дети плясали на пепелище сожженного архива иностранных дел, хранившегося в усадьбе.

Не все знают, что Патриаршая ризница в московском Кремле была полностью разграблена еще в 1917 году. Когда шли бои, и юнкера пытались отстоять Кремль у большевиков, ценности Патриаршей ризницы мешками перебрасывали через кремлевскую стену. И только часть вещей удалось потом разыскать.

Таким положением вещей была обеспокоена интеллигенция, и нашелся один человек, Игорь Грабарь, замечательный художник-импрессионист и не менее замечательный искусствовед, который обратился к наркому просвещения А.В. Луначарскому с предложением создать Всероссийскую коллегию по охране памятников искусства и старины и делам музеев. Луначарский принял предложение, и Коллегия была создана. Грабарь сумел сформировать коллектив, что, кажется, не так уж и сложно было сделать. Но, хотя людей, озабоченных судьбой культурных ценностей, было много, далеко не все соглашались работать с большевиками. А войти в эту Коллегию – значит сотрудничать с советской властью. Ходило даже такое убеждение: пусть гибнет все, гибнет как можно больше, зато весь мир узнает, кто такие большевики!

Игорю Грабарю, естественно, предложили возглавить эту Коллегию, но, правда, высшую должность он занимал только около двух месяцев. Наталье Ивановне Троцкой, второй жене Л.Д. Троцкого подыскивали пригодную для женщины и почетную должность.

Так что Грабаря попросили освободить место. Безусловно, он был расстроен, но Игорь Эммануилович не тот человек, который долго копил обиду, он продолжил свою работу по охране и изучению памятников, но уже в другой должности.

А Наталья Ивановна оказалась женщиной достаточно умной (она сообразила, что не нужно менять созданный Грабарем коллектив), к тому же очень деятельной. Троцкая посылала своих сотрудников (эмиссаров) во все города России спасать ценности. Каждому эмиссару она давала мандат, и, главное, на мандате стояла подпись Л.Д. Троцкого, а ниже на бланке – «Отпечатано в походной типографии товарища Троцкого». И это было важно, потому что в то время во главе многих поселений вставали далеко не лучшие люди, которые вдалеке от центральной власти не хотели никому подчиняться и чувствовали себя «царьками». А к уполномоченному от этой Всероссийской коллегии с таким мандатом и подписью человека, который сыграл огромную роль в свершении революции, который казнил и миловал, ставил к стенке и награждал, приходилось прислушиваться. Поэтому значительную часть ценностей этим эмиссарам удалось спасти, но с огромными трудностями. На тот момент в стране не было даже нормального железнодорожного сообщения, а вывозить ценности в Москву можно было только на поездах.

В подотделе реставрации этой Коллегии трудился известный архитектор Илья Евграфович Бондаренко. Как он стал известен? Как вы знаете, в Российской Империи старообрядцы очень притеснялись, но в 1905 году Николай II вынужден был подписать Указ «Об укреплении начал веротерпимости», предусматривающий смягчение отношения к старообрядцам. Им разрешили строить церкви. В строительстве никаких задержек с финансированием не было и быть не могло, потому что к старообрядцам принадлежали самые богатые купцы и промышленники, что было вполне закономерно: старообрядцы не пили, не курили, воспитывали детей в почтении к старшим, труду уделялось большое внимание. Из самых низов поднялись и стали богатейшими людьми Морозовы, Рябушинские и другие. При строительстве возникала другая проблема: старообрядцы стремились возродить архитектуру, свойственную храмам до XVII века, но не каждый архитектор мог так строить. А Бондаренко интересовался древнерусской архитектурой, ездил по многим поволжским городам, на Север, так что сумел возвести несколько храмов для старообрядцев, правда, большая часть из них не сохранилась, так как долгое время считалось, что постройки конца XIX-начала XX века никакой архитектурной ценности не имеют.

И.Е. Бондаренко был близок к Абрамцевскому (Мамонтовскому) художественному кружку, а также связан с земскими мастерскими Сергиева Посада – по его эскизам делали мебель и игрушки. И вот осенью 1918 года он поехал в Сергиев Посад, чтобы посмотреть, в каком положении находится Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Вернувшись в Москву, он выступил с докладом на президиуме Всероссийской коллегии, сказав, что надо улучшить лаврскую охрану, сделать опись всех находящихся в Лавре ценностей и перевезти главные ценности из Спасо-Вифанского монастыря в Лавру за неимением в Вифанском монастыре должной охраны.

Было принято решение создать Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Такие Комиссии Всероссийская коллегия создавала в губернских городах, а Сергиев Посад, не то что губернским, даже уездным городом не был. Но ценности, накопленные в Лавре за столетия, были столь велики, что была создана именно Комиссия. В самом конце октября 1918 года в Лавре состоялось первое заседание Комиссии, первое время состоявшей из восьми человек. Бондаренко, естественно, предложили эту Комиссию возглавить.

Работа пошла очень активно. Прежде всего, шел прием и опись ценностей, тут большую роль сыграли граф Юрий Александрович Олсуфьев и священник Павел Флоренский. Надо сказать, что работали они в очень трудных условиях: прежде всего, в Лавре было печное отопление, но работали в неотапливаемых помещениях за неимением дров. Как писала Татьяна Розанова (дочь писателя и философа Василия Васильевича Розанова), принятая машинисткой в Комиссию, они настолько были увлечены своей работой, что даже не замечали холода.

Сразу же были разработаны два проекта: первый – проект краеведческого музея, составленный Павлом Николаевичем Каптеревым (сын профессора Московской духовной академии), где были бы естественнонаучный, этнографический, историко-археологический и художественный отделы; второй – проект музея Лавры, составленный тем же П.Н. Каптеревым и отцом Павлом Флоренским.

Несмотря на финансовые трудности сразу же было предложено сделать путеводитель. Обычно делают путеводители по музеям, но в данном случае музея не было, поэтому было решено сделать путеводитель по Лавре, причем в виде отдельных очерков. Темпы работы поражают! Уже весной 1919 года сборник «Троице-Сергиева Лавра» был написан, отпечатан, но не сброшюрован.

Вышло так, что о готовящемся сборнике узнал некий Михаил Галкин, священник-расстрига, писавший антирелигиозные статейки и брошюрки под псевдонимом М. Горев. В журнале «Революция и Церковь» он опубликовал статью «Черная доска», в которой живого места не оставил от сборника «Троице-Сергиева Лавра». Горев «обличил» все: и то, что о. Павел Флоренский в своей статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия» называл Лавру домом преподобного Сергия; что председатель Комиссии Бондаренко на работу Комиссии взял благословение у Святейшего Патриарха Тихона; что коллектив Комиссии подобрался сомнительный (Ю.А. Олсуфьев был графом, даже машинистка Т.В. Розанова была дочерью известного писателя, сотрудника газеты «Новое время»). Статья Горева была настолько резкой, что не могло быть и речи о выпуске сборника.

Сборник был перевезен в Лавру в непереплетенном виде, долгое время там хранился, постепенно исчез, и только в 90-е годы XX столетия встал вопрос о его переиздании. Над составлением сборника трудилась внучка отца Павла Флоренского Мария Сергеевна Трубачева и Татьяна Васильевна Смирнова. Долгое время не могли найти финансы на выпуск сборника. Наконец, в 2007 году смогли издать книгу «Троице-Сергиева Лавра», где один к

одному напечатаны все статьи того сборника 1919 года со вступительной статьей Марии Сергеевны и краткими биографиями авторов статьей, составленными Татьяной Васильевной, которая отмечает, что люди в то время не только умели писать, но и не боялись этого делать. В этом можно убедиться по отрывку из очерка Ильи Бондаренко «Художественный облик Лавры», в котором он свободно излагает: «И в грузной массивной башне, и в скученной группе куполов Успенского собора – всюду чувствуется яркая содержательность ушедшей жизни, большой жизни, оставившей по себе хорошую память в ряде храмов и в ритмичных массах стен с башнями – этими вздохами былого, и в необычной серьезности Успенского собора, и в венчающей всю Лавру Колокольне, застывшей в лучезарной молитве человеческой радости». Сколько с 70-х годов было выпущено путеводителей по Лавре, но никто из научных сотрудников никогда не решился бы так написать!

Статья Горева в журнале «Революция и Церковь» повлияла и на судьбу Бондаренко, как председателя Комиссии, прежде всего, – его отстранили от должности. Сначала он уехал с И. Грабарем в первую Волжскую экспедицию, потом во вторую. Он прожил долгую жизнь, но в Лавру больше вернуться не смог.

А председателем Комиссии стал граф Олсуфьев, до этого занимавший пост заместителя. Еще в XVII веке земли Куликова поля были пожалованы царем Алексеем Михайловичем графам Олсуфьевым. Отец Юрия Александровича отдал часть земли на строительство храма во имя Сергия Радонежского и возглавил строительный комитет по его строительству. А после смерти отца строительство возглавил уже сам Юрий Александрович. В период Февральской революции граф Олсуфьев понял, что необходимо покинуть усадьбу, и уехал под покров Преподобного: купил в Сергиевом Посаде на Валовой улице дом, который стоит и поныне. Работая в Комиссии, он сочетал познания искусствоведа и тонкое восприятие древнерусского искусства, связанное в значительной степени с опытом строительства храма в древнерусском стиле. В то же время он был человеком хозяйственным.

Несмотря на отстранение Бондаренко, работа нашла полным ходом. Но Всероссийская коллегия прислала комиссию с проверкой. Приехали три человека во главе с неким Николаем Михайловичем Щекотовым, который еще до Первой мировой войны работал с художником И.С. Остроуховым в Третьяковской галерее, успел написать две статьи о древнерусском искусстве, потом ушел на войну, попал в плен, вернулся и стал работать в вышеупомянутой Всероссийской коллегии. После проверки он сделал заключение: в плане описи нареканий нет, но якобы никаких шагов по созданию музея не сделано! Остается гадать: то ли он не понимал, как создается музей, то ли это был сознательный доклад, и он стал рассматривать работу в Комиссии по охране памятников искусства и страницы Лавры как очередную ступеньку в своей карьере. Очень быстро он стал уполномоченным от Коллегии по устройству музея, затем – председателем Комиссии, которая была раскассирована. Уйти пришлось и о. Павлу Флоренскому, и Ю.А. Олсуфьеву, и Михаилу Шику. Щекотов«расчистил место», немного «покрутился» в Посаде, «взлетел» до директора Государственного Исторического Музея в Москве, а затем – до директора Государственной Третьяковской галереи.

Во всяком случае работу в Лавре он развалил полностью, чему очень радовалась местная власть. Была создана новая проверочная ревизионная комиссия, в которую вошли: председатель Совета депутатов Сергиева Посада Оскар Ванханен, представитель ЧК Розенталь, представитель губернии, а возглавил комиссию не кто иной, как сам Галкин-Горев! Понимаете, с каким отношением он подошел к работе комиссии? Кроме борьбы с религией участники комиссии преследовали корыстные цели. Отец Андроник (Трубачев) – внук о. Павла Флоренского, проделал огромную работу по изучению архивных материалов и досконально изучил дела периода работы этой ревизионной комиссии. Выяснилось, что местные власти были заинтересованы кое-что получить от такого огромного хозяйственного механизма, как Лавра. В частности, как говорил Ванханен, «есть двухдюймовые доски, проволока, гвозди, керосин…» Иконы их не интересовали. А работники Комиссии по охране памятников искусства и старины Лавры говорили: «Доски самим нужны, надо делать витрины для музея». Звучали и совсем уж оголтелые высказывания, например, представитель ЧК Розенталь заявил: «Лавра – это гнойник на теле России».

В такой обстановке не получалось создать музея. Тогда Щекотов сделал «ход конем»! Он сумел пробиться к Ленину и передать проект Декрета «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой Лавры», который Ленин подписал. Щекотов стал создавать музей, правда, у него никого уже не осталось. И тут Всероссийская коллегия вынуждена была просить вернуться в Комиссию отца Павла Флоренского и графа Олсуфьева. Местные власти соглашались, несмотря на богоборческую политику, и на отца Павла, и на Михаила Шика (в то время уже дьякона), только стояли против Олсуфьева. Тогда Комиссии пришлось дать обещание в письменной форме, что Ю.А. Олсуфьев будет принят в качестве нештатного сотрудника-эксперта, и ни в одном заседании Комиссии участвовать не будет. Отец Павел Флоренский от предложения отказался, на тот момент он уже работал в Москве.

Промыслом Божиим в Посаде в 1920-м году оказались два человека – Дервиз и Свирин. Владимир Дмитриевич фон Дервиз (обрусевший немец; его предок приехал в Россию еще при Петре III) – по первому образованию юрист (окончил Училище правоведения), по второму – художник (окончил Академию художеств), купил усадьбу в имении Домотканово Тверской губернии и сделал ее процветающей. Трудился в Земстве, стал председателем Тверской Земской управы. Но в 1917 году в 24 часа его и всю его семью выселили из усадьбы без всякого имущества, он помыкался по Москве и в 1920 году приехал в Сергиев Посад, где жила одна из его дочерей Марья Владимировна Фаворская-Дервиз. Как «широко образованного, одаренного художника и сверхчестного человека» рекомендовал его И.Э. Грабарь на работу в Комиссию по охране памятников искусства и старины Лавры. Вскоре Дервиза назначили председателем Комиссии.

А вторым человеком был Алексей Николаевич Свирин. У него тоже было юридическое образование (надо отметить, что, если дворяне не шли на военную службу, то очень многие получали юридическое образование; в данном случае – Олсуфьев, Дервиз, Свирин). Он очень интересовался искусством. В период службы в канцелярии генерал-губернатора Хабаровска, пытался попасть в Москву или Петербург. Это стало возможно только в период Первой мировой войны. Он, как военный юрист, побывал на разных

фронтах, а потом был назначен заведующим отделом Контроля Московского военного округа в Сергиеве. И тут он сразу же пришел в Комиссию и подключился к работе, а когда через несколько месяцев его хотели перевести в другой город, Комиссия обратилась с просьбой оставить его в Посаде.

Божиим промыслом эти два человека вошли в состав Комиссии. Дервиз, Свирин и Олсуфьев были людьми одного круга, и как писал Дервиз, «с самого начала я оказался ближе всего с Олсуфьевым и Свириным, и мы скоро стали совместно работать над созданием историко-художественного музея, который должен был быть создан из всего, что осталось от знаменитого монастыря». Так, с высшим образованием было всего три человека! И они создали музей! Годы были трудные: был голод, за неимением денег пришлось отказаться от телефона, были проблемы с сигнализацией, с электричеством (в конце концов, его оставили только в туалетах и коридорах). И они умудрялись найти какие-то средства для издания публикаций.

Первое время во главе стоял Дервиз, потом в Комиссию на должность заместителя председателя Комиссии был направлен некий молодой человек М. Захаров, бывший военный Красной армии, который сразу стал настаивать, чтобы был продан колокол и на вырученные деньги поставлен гипсовый бюст Ленина, требовал создания отдела революции, уголка безбожника и так далее. Сработаться с Дервизом они не смогли. Тогда комиссия по проверке решила, что и того и другого надо отстранить. Тогда назначили исполняющим обязанности председателя, а потом и председателем Комиссии А.Н. Свирина. Он стал директором музея, Дервиз – его заместителем, а Захаров вскоре сам ушел.

Музей образовывался постепенно через создание выставок. Была открыта выставка древнерусской книги, удачной оказалась выставка прикладных искусств XIV-XV веков (весна 1924 года). Так постепенно один за другим открывали отделы. Некоторое время сосуществовали и музей, и Комиссии, причем музей подчинялся Комиссии. На вопрос: когда прекратила работу Комиссия? – можно отметить, что печать Комиссии была заменена на печать музея 26 июня 1926 года. Но периодом, с которого музей существует, а Комиссия – нет, можно считать 1925 год. Такую черту подвел путеводитель по Лавре, написанный Свириным.

Тогда было решено выпустить несколько путеводителей по усадьбам-музеям, каких в Московской области было очень много. Только один монастырь – Троице-Сергиева Лавра – вошел в этот список. Свирин умел так же поэтично писать, как и авторы путеводителя 1919 года: «Окаймленные высокою, суровою стеною с башнями-бойницами, возвышаются среди редкой зелени, все здания бывшей Лавры, возглавляемой единственной по красоте, стройной, прозрачной колокольней». Но он избегал упоминания имени преподобного Сергия, чтобы новый путеводитель не постигла та же участь.

В 1926 году комиссия Главнауки признала, что Сергиевский музей является одним из лучших в стране. К этому времени в состав штатных сотрудников ввели Олсуфьева. Было открыто несколько отделов: древнерусской книги, древнерусской живописи с показательной

иконописной мастерской, Митрополичьи покои и другие отделы. Открыты отделы в Вифании, в Гефсиманском скиту.

Настало время великого перелома. В декабре 1927 года был принят первый пятилетний план. Начались: коллективизация, очередной виток нападений на религию, усиление классовой борьбы. Сначала в центральной печати, потом в местной прессе начались нападки на жителей Сергиева Посада и сотрудников музея. Что понятно – город особенный, в нем жили люди, близкие к Церкви, большое количество аристократов, прибывших под кров Преподобного после революции. Они были костью в горле местной власти. На музей посыпались всевозможные обвинения со стороны продажных журналистов, которые писали, что сотрудники музея, «подобно крысам, расхищают ценности музея».

Майской ночью 1928 года был совершен выстрел в окно заведующего агитацией и пропагандой местного Райкома партии, стоявшего и во главе местного отделения Союза воинствующих безбожников. Есть два предположения: или выстрел был сделан ревнивой женой, или все было подстроено. Этот человек не пострадал, но в единственном выстреле обвинили и арестовали 80 человек! Среди обвиняемых был 16-летний мальчишка Истомин, который на вопрос следователя ответил: «Если бы я стрелял, я бы попал!»; была и старушка 64-х лет, племянница Натальи Гончаровой, жены Пушкина, которая никогда не держала в руках оружия. В списке были люди, близкие к Церкви, – церковные старосты, книготорговец Елов, монахи, священники, профессора Московской духовной академии, старушки-дворянки, сестры милосердия. Среди них оказались: отец Павел Флоренский, княжна А.Д. Шаховская, которая работала в краеведческом музее. А граф Олсуфьев сумел вовремя уехать. Дервиза и Свирина тогда не взяли. Первый уволился и уехал в Москву, а второй был переведен в рядовые сотрудники, Свирин ушел из музея уже в начале 1929 года.

Все 80 человек проходили по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в городе Сергиево». Был всего один допрос, осудили их к высылке или к «минусу». При административной высылке человека обычно высылали в определенное место, но, как ни странно, именно этой группе людей предлагали поехать куда угодно, скажем, Флоренский решил уехать в Нижний Новгород. А «минус» – это запрет на проживание в определенных городах и областях. Чаще всего приговаривались к «минус 6» – запрету на проживание в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону и в соответствующих областях. На первый взгляд, это не очень жесткое наказание. Но человек лишался жилья, работы, друзей и знакомых. На новом месте его никто не ждал и на работу брать отказывались.

В то время существовал политический «Красный крест» – организация, помогавшая политическим заключенным. Во главе «Красного креста» стояла Пешкова Екатерина Павловна, первая жена Максима Горького, о которой известны только формальные сведения. Она помогла тому же отцу Павлу Флоренскому, которого через некоторое время освободили, и он смог вернуться в Москву.

В музей же одного за другим стали присылать новых директоров. Как правило, они имели четыре класса образования, были партийными и ничего не понимали в музейном деле. Они воровали и спивались, их заменяли другими. Но главной их целью было превратить музей в крупный антирелигиозный центр, и в этом направлении они активно работали.

В дневниках Пришвина имеется запись от 27 апреля 1930 года: «Встретил искусствоведа из Третьяковки (Свирина) и сказал ему, что для нашего искусства наступает пещерное время, и нам самим теперь загодя надо подготовить пещерку или взять прямо решиться сгореть в срубе, по примеру наших предков. Свирин сказал на это, что у него из головы не выходит покончить с собой прыжком в крематорий. "А разве можно?"– спросил я. "Можно, – сказал он, – когда ворота крематория открываются, чтобы пропустить гроб, есть момент, когда можно прыгнуть". Для Дервиза, Свирина, Олсуфьева гибель их детища была трагедией…